

Глава 19

Потсдам: атомная бомба

Президент Трумэн прибыл в Берлин в тот же день, что и я. Я горел желанием встретиться с государственным деятелем, с которым, несмотря на разногласия, у меня установились сердечные отношения благодаря переписке, включенной в данный том. Я посетил, его в день нашего прибытия, и на меня произвели большое впечатление его веселость, точная и яркая манера выражаться и явная способность принимать решения.

На следующий день и президент, и я, каждый по отдельности, совершили поездку по Берлину. Город представлял собой сплошные руины. О нашей поездке, конечно, не сообщалось заранее, и на улицах нам встречались лишь обычные пешеходы. Но на площади перед имперской канцелярией собралась большая толпа. Когда я вышел из машины и пробирался через толпу, все, за исключением одного старика, который неодобрительно покачивал головой, начали приветствовать меня. Моя ненависть к немцам улеглась после того, как они капитулировали, и их приветствия, а также изнуренный вид и поношенная одежда меня очень растрогали. Затем мы вошли в здание канцелярии и довольно долго бродили среди полуразрушенных коридоров и залов. Потом сопровождавшие нас русские провели нас в бомбоубежище Гитлера. Я спустился в самый низ и увидел комнату, в которой покончили с собой Гитлер и его любовница, а когда мы поднялись наверх, нам показали место, где сожгли его труп. От осведомленных людей мы услышали самый подробный рассказ, какой можно было услышать в то время об этих финальных сценах.

Исход, избранный Гитлером, был гораздо более удобным для нас, чем тот, которого я опасался. В любой момент в течение последних нескольких месяцев войны он мог прилететь в Англию и сдаться со словами: «Делайте со мной, что хотите, но пощадите мой введенный в заблуждение народ». Я не сомневаюсь, что он разделит бы участь нюрнбергских преступников. Моральные нормы современной цивилизации, очевидно, предписывают победителям казнить руководителей нации, понесшей поражение в войне. Это, несомненно, побудит их бороться до конца в любой будущей войне, независимо от того, сколько лишних жертв это потребует. Расплачиваться за это будут массы народа, от которых так мало зависит начало или окончание войн.

* * *

18 июля я завтракал с президентом. Мы были одни и затронули многие темы. Я говорил о печальном положении в Великобритании, израсходовавшей более половины своих иностранных капиталовложений на общее

дело, когда мы боролись совсем в одиночку, и теперь вышедшей из войны с большим внешним долгом в три миллиарда фунтов стерлингов. Этот долг накопился в результате закупок, которые делались в Индии, Египте и других странах, в которых не действовал ленд-лиз, и это заставит нас ежегодно экспортировать, ничего не импортируя взамен, для того чтобы иметь возможность пополнять фонд зарплаты. Нам придется попросить помощи для того, чтобы снова стать на ноги, а до тех пор, пока мы не сумеем как следует наладить свое хозяйство, мы не сможем оказать особенной помощи в обеспечении всемирной безопасности или в осуществлении высоких целей, намеченных в Сан-Франциско. Президент сказал, что он сделает все, что в его силах. Но я, конечно, знал, с какими трудностями он может столкнуться в своей стране.

Президент затронул вопрос об авиации и коммуникациях. Ему пришлось столкнуться с большими трудностями в вопросах создания аэродромов на британской территории, в особенности в Африке, на строительство которых американцы затратили огромные средства. Мы должны пойти им навстречу в этом отношении и разработать справедливый план общего их использования. Я заверил его, что если я по-прежнему буду нести ответственность за правительство, то вновь вернусь к обсуждению этого вопроса с ним лично.

Президент, видимо, был вполне согласен со мной, если только это все удастся соответствующим образом представить и если это не будет иметь явную форму военного союза двух стран. Он не сказал именно этих слов, но таково было впечатление, которое я вынес. Поощренный этим, я стал излагать ему мысль, которая у меня явилась уже давно, о необходимости сохранить объединенный англо-американский штаб как организацию, во всяком случае, до тех пор, пока мир окончательно не успокоится после великого шторма, и до тех пор, пока не будет создана всемирная организация, настолько прочная и дееспособная, что мы смело сможем довериться ей.

Президент ответил на это весьма утешительно. Я видел, что передо мной человек исключительного характера и способностей, взгляды которого в точности соответствовали установившемуся направлению англо-американских отношений, у которого была простая и ясная манера речи, большая уверенность в себе и решительность.

* * *

В тот же вечер 18 июля я обедал со Сталиным. С нами были только Бирс и Павлов. Мы приятно беседовали с половины девятого вечера до половины второго ночи, не затронув ни одной из наиболее важных тем. Майор Бирс затем представил мне довольно подробную запись беседы, которую я здесь привожу вкратце. Мой хозяин казался физически несколько подавленным, но его легкая дружелюбная манера держаться была в высшей степени приятной. Об английских выборах он сказал, что вся информация,

которую он получал из коммунистических и других источников, подтвердила его уверенность, что меня изберут большинством почти в 80%. По его мнению, лейбористская партия должна получить 220—230 мест. Я не пытался пророчествовать, но сказал, что не уверен в том, как голосовали солдаты. Сталин сказал, что армия предпочитает сильное правительство и поэтому, видимо, голосовала за консерваторов. Было ясно, что он надеялся, что его связи со мной и Иденом не будут прерваны.

Он спросил, почему король не приехал в Берлин. Я ответил, что это объясняется тем, что его приезд осложнил бы проблемы безопасности. Затем он заявил, что ни одной стране так не нужна монархия, как Великобритании, ибо королевская власть служит объединяющей силой для всей империи, и никто из друзей Англии не сделает ничего, что ослабило бы уважение к монархии.

Наша беседа продолжалась. Я сказал, что, согласно моей политике, следует приветствовать Россию в качестве великой морской державы. Я хотел бы, чтобы русские корабли ходили по всем океанам мира. Россия до сих пор напоминала гиганта, перед которым закрыты широкие пути и которому приходится пользоваться узкими выходами через Балтийское и Черное моря. Затем я затронул вопрос о Турции и Дарданеллах. Естественно, что турки тревожатся. Сталин объяснил, что произошло в действительности. Турки обратились к русским с предложением заключить договор о союзе. В ответ русские заявили, что договор можно заключить лишь в том случае, если ни одна из сторон не имеет никаких притязаний, а Россия хочет получить Каре и Ардаган, которые у нее отобрали в конце прошлой войны. Турки ответили, что они не могут рассматривать этот вопрос. Тогда Россия поставила вопрос о конвенции в Монтрё. Турки ответили, что они и этого вопроса не могут обсуждать, и поэтому Россия заявила, что она не может обсуждать договор о союзе.

Я сказал, что я лично поддержал бы внесение поправок в конвенцию в Монтрё, исключив из нее Японию и дав России доступ в Средиземное море. Я повторил, что приветствовал бы выход России в океаны, а это касается не только Дарданелл, но также Кильского канала, в отношении которого нужно установить такой же режим, как и в отношении Суэцкого канала, и выхода в теплые воды Тихого океана. Это не объясняется благодарностью за что-либо совершенное Россией, а просто такова моя твердая политика.

Затем Сталин спросил меня о германском флоте. Он сказал, что какая-то часть этого флота была бы весьма полезна России, понесшей тяжелые потери на море. Он выразил благодарность за суда, которые мы передали ему после капитуляции итальянского флота, но он хотел бы также получить и свою долю германских кораблей. Я не возражал.

Далее он заговорил о греческой агрессии на границах Болгарии и Албании. Он сказал, что в Греции есть элементы, подстрекающие к волнениям.

Зоны оккупации в Германии и Австрии по окончательным оценкам: июль 1945 года

Я ответил, что положение на границах неопределенное и что греков очень тревожат Югославия и Болгария, но я не слышал, чтобы там происходили сколько-нибудь серьезные бои. Конференция должна ясно заявить о своей воле этим малым державам, и ни одной из них нельзя разрешить нарушать границы или начинать сражения. Им нужно об этом заявить ясно и определенно и заставить их понять, что всякое изменение границ может быть произведено только на мирной конференции. В Греции должны быть проведены плебисцит и свободные выборы, и я предложил, чтобы великие державы послали своих наблюдателей в Афины. Сталин высказал мнение, что это будет свидетельствовать о недостатке доверия к честности греческого народа. Он считал, что о ходе выборов должны сообщать послы великих держав.

Затем он спросил мое мнение о Венгрии. Я ответил, что я недостаточно информирован для того, чтобы сообщать свое мнение о положении в данный момент, но что я запрошу министра иностранных дел.

Сталин сказал, что во всех странах, освобожденных Красной Армией, русская политика состоит в том, чтобы добиваться создания сильного, независимого суверенного государства. Он против советизации какой бы то ни было из этих стран. Там будут проведены свободные выборы, в которых будут участвовать все партии, за исключением фашистских.

Далее я заговорил о трудностях в Югославии, где у нас нет материальных притязаний, но где предусматривалось деление наших интересов поровну. Сейчас соотношение там не 50:50, а 99:1 не в пользу Англии. Сталин утверждал, что соотношение там таково: 90% в пользу Англии, 10% в пользу Югославии и 0% в пользу России. Советское правительство часто не знает, что собирается предпринять Тито.

Сталин также заявил, что он был уязвлен американским требованием сменить правительства в Румынии и Болгарии. Он не вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступают несправедливо. Я сказал, что я еще не видел американских предложений. Сталин объяснил, что в странах, где были эмигрантские правительства, он счел необходимым помочь в создании внутренних правительств. Это, конечно, не касается Румынии и Болгарии, где все происходило мирно. Когда я спросил, почему советское правительство наградило короля Михая орденом, он сказал, что, по его мнению, король действовал храбро и разумно во время государственного переворота.

Я затем рассказал ему, как беспокоят людей намерения русских. Я провел линию от Нордкапа до Албании и перечислил столицы восточнее этой линии, оказавшиеся в руках русских. Создавалось впечатление, что Россия движется на запад. Сталин сказал, что у него нет такого намерения. Напротив, он отводит войска с запада. В ближайшие четыре месяца будет демобилизовано и отправлено на родину 2 миллиона человек. Дальнейшая демобилизация будет зависеть лишь от транспортных возможностей. Русские потери в ходе войны достигают 5 миллионов человек убитыми и пропавшими без вести. Немцы мобилизовали 18 миллионов человек, не считая промышленности, а русские — 12 миллионов.

Я выразил надежду, что до окончания конференции мы сможем договориться о границах всех европейских стран, а также о доступе России к морям и о разделе германского флота. Три державы, которые соберутся за столом конференции, — это сильнейшие державы, когда-либо существовавшие в мире, и их задача — сохранить всеобщий мир. Хотя поражение Германии радует нас, все же это великая трагедия. Но немцы похожи на стадо овец. Сталин снова вспомнил о своем пребывании в Германии в 1907 году и рассказал, как 200 немцев не попали на собрание коммунистов, потому что на железнодорожном вокзале некому было проверить их билеты. Затем он извинился за то, что официально не поблагодарил Англию за помощь в снабжении во время войны. Россия приносит благодарность за это.

В ответ на мои вопросы он разъяснил систему труда в совхозах и колхозах. Мы согласились, что и в России и в Англии нет угрозы безработицы. Он сказал, что Россия готова обсудить вопрос о торговле с Англией. Я заявил, что самой лучшей рекламой для Советской России за границей было бы счастье и благосостояние ее народа. Сталин говорил о преемственности советской политики. Если с ним что-нибудь случится, то имеются хорошие люди, готовые стать на его место. Он думал на тридцать лет вперед.

* * *

17 июля пришло известие, потрясшее весь мир. Днем ко мне заехал Стимсон и положил передо мной клочок бумаги, на котором было написано: «Младенцы благополучно родились». Я понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. «Это значит, — сказал Стимсон, — что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана». Хотя мы следили за этими страшными исследованиями на основании всех тех отрывочных и скудных сведений, которые нам давали, нам заранее не сообщили, или, во всяком случае, я не знал даты окончательных испытаний. Ни один ученый, обладающий чувством ответственности, не мог бы предсказать, что произойдет при первом атомном взрыве большого масштаба. Были ли эти бомбы бесполезными или они оказались всесокрушающими? Теперь нам это было известно. «Младенцы благополучно родились». Никто еще не мог определить ближайших военных последствий этого открытия, и никто еще не осознал его значения.

На следующее утро самолет доставил полное описание этого грандиозного события в человеческой истории. Стимсон привез мне этот доклад. Я рассказываю все по памяти. Бомба, или нечто схожее с ней, была взорвана на вершине вышки в сто футов. Всех людей в радиусе десяти миль удалили от нее, а ученые со своими помощниками укрылись в мощных бетонных убежищах приблизительно на таком же расстоянии. Взрыв был ужасающим. Колоссальный столб пламени и дыма вознесся к внешним пределам атмосферы нашей бедной планеты. В радиусе одной мили было абсолютно все разрушено. Так, значит, вот что даст возможность быстро закончить Вторую мировую войну, а пожалуй, и многое другое.

В связи с этим президент пригласил меня безотлагательно побеседовать с ним. При нем находились генерал Маршалл и адмирал Лэги. До сих пор мы мыслили себе наступление на территории собственно Японии при помощи массовых воздушных бомбардировок и вторжения огромных армий. Мы предвидели отчаянное сопротивление японцев, сражающихся насмерть с самоотверженностью самураев не только на поле боя, но и в каждом окопе, в каждом укрытии.

Перед моим мысленным взором вставал остров Окинава, где много тысяч японцев вместо того, чтобы капитулировать, стали в строй

и уничтожили себя ручными гранатами после того, как их командиры торжественно совершили обряд харакири. Для того чтобы подавить сопротивление японцев и завоевать их страну метр за метром, нужно было бы пожертвовать миллионом жизней американцев и половиной этого числа жизней англичан или больше, если мы сможем доставить их туда, ибо мы твердо решили также участвовать в этом испытании. Сейчас вся эта кошмарная перспектива исчезла. Вместо нее рисовалась прекрасная, казалось тогда, картина окончания всей войны одним или двумя сильными ударами. Я сразу же подумал о том, что японский народ, храбростью которого я всегда восхищался, сможет усмотреть в появлении этого почти сверхъестественного оружия оправдание, которое спасет его честь и освободит его от обязательства погибнуть до последнего солдата.

Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений. Через несколько дней я сообщил Идену: «Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против Японии». Поэтому всю совокупность европейских проблем можно было рассматривать независимо и на основании широких принципов Организации Объединенных Наций. Внезапно у нас появилась возможность милосердного прекращения бойни на Востоке и гораздо более отрадны перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже и речи о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, после всех наших трудов и опасностей казалось чудом избавления.

Принципиальное согласие англичан использовать это оружие было дано 4 июля — до того как состоялось испытание. Окончательное решение теперь должен был принять президент Трумэн, в руках которого находилось это оружие. Но я ни минуты не сомневался, каким будет это решение, и с тех пор я никогда не сомневался, что он был прав. Исторический факт таков — и о нем следует судить в исторической перспективе, — что решение об использовании атомной бомбы для того, чтобы вынудить Японию капитулировать, никогда даже не ставилось под сомнение. Между нами было единодушное, автоматическое, безусловное согласие, и я также никогда не слыхал ни малейшего предположения, что нам следовало бы поступить иначе.

Оказывается, американские военно-воздушные силы подготовили колоссальное наступление с помощью обычных воздушных бомбардировок

японских городов и портов. Их, конечно, можно было бы разрушить в течение нескольких недель или нескольких месяцев, и трудно сказать, сколько при этом погибло бы гражданского населения. Но теперь, применив новое оружие, мы смогли бы не только разрушить города, но и спасти жизни как друзей, так и врагов.

* * *

Сложнее был вопрос о том, что сказать Сталину. Президент и я больше не считали, что нам нужна его помощь для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска русских войск на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся и поэтому теперь у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте. Но все же он был замечательным союзником в войне против Гитлера, и мы оба считали, что его нужно информировать о новом великом факте, который сейчас определял положение, не излагая ему подробностей. Как сообщить ему эту весть? Сделать ли это письменно или устно? Сделать ли это на официальном или специальном заседании, или в ходе наших повседневных совещаний, или же после одного из таких совещаний? Президент решил выбрать последнюю возможность. «Я думаю, — сказал он, — что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну». Я согласился с этим планом.

* * *

Тем временем продолжалось сокрушительное воздушное и морское наступление на Японию. Главными объектами наступления были остатки японского флота, ныне рассеянного и укрывшегося на островах. Один за другим обнаруживались крупные корабли, и к концу июля японский флот фактически перестал существовать.

На территории собственно Японии царил хаос, и она была на грани краха. Профессиональные дипломаты были убеждены, что только немедленная капитуляция по повелению императора может спасти Японию от полного развала, но власть все еще почти целиком находилась в руках военной клики, исполненной решимости скорее вынудить страну совершить массовое самоубийство, чем согласиться на поражение. Этих фанатиков не смущала страшная перспектива разрушения, грозившая им, и они продолжали верить в какое-то чудо, которое склонит чашу весов в их пользу.

В течение нескольких длительных бесед с президентом наедине или в присутствии его советников я обсуждал, что нам предпринять. Ранее на этой же неделе Сталин частным образом сообщил мне, что, когда его делегация уезжала из Москвы, ему вручили через японского посла никому не адресованное послание. Оно, как полагали, предназначалось либо для него, либо для президента Калинина или какого-нибудь другого члена советского правительства и было подписано японским императором. В нем говорилось, что Япония не может согласиться на «безоговорочную капитуляцию», но она, возможно, пойдет на компромисс на других условиях. Сталин ответил, что, поскольку в послании не содержалось никаких определенных предложений, советское правительство не может ничего предпринять. Я объяснил президенту, что Сталин не хотел сообщить об этом ему непосредственно, опасаясь, как бы тот не подумал, что русские стараются склонить его к миру. Точно так же я считал, что мы не должны говорить ничего такого, что создаст впечатление, что мы не хотим продолжать войну против Японии до тех пор, пока Соединенные Штаты будут считать это необходимым. Однако я остановился на перспективе колоссальных потерь американцев и несколько меньших потерь англичан, если мы будем навязывать японцам «безоговорочную капитуляцию». Поэтому ему следует подумать, нельзя ли выразить это каким-то иным образом, чтобы мы получили все необходимое для будущего мира и безопасности и вместе с тем создали бы для них какую-то видимость, что они спасли свою военную честь, и какую-то гарантию их национального существования после того, как они выполнят все требования, предъявленные победителем. Президент резко ответил, что после Пёрл-Харбора он не считает, что у японцев есть какая-то военная честь. Я возразил на это лишь, что у них есть нечто такое, ради чего столь многие из них готовы идти на верную смерть, хотя для нас это, возможно, не столь важно, как для них. После этого он заговорил вполне сочувственно и упомянул, так же как и Стимсон, о колоссальной ответственности, которая ложится на него в связи с тем, что американцам приходится проливать так много крови.

Я понял, что на «безоговорочной капитуляции» не будут особенно настаивать и будут это делать лишь в той мере, в какой это необходимо для всеобщего мира и будущей безопасности и для наказания преступных и предательских действий. Стимсон, генерал Маршалл и президент, видимо, еще не приняли окончательного решения, и у нас не было нужды торопить их. Мы, конечно, знали, что японцы готовы отказаться от всех завоеваний, которые они сделали за время войны.

В конце концов было решено направить Японии ультиматум с требованием немедленной безоговорочной капитуляции ее вооруженных сил. Этот документ был опубликован 26 июля.

*Ультиматум, требующий немедленной
безоговорочной капитуляции*

26 июля 1945 года

«1. Мы, президент Соединенных Штатов, президент Национального правительства Китая и премьер-министр Великобритании, представляющие сотни миллионов наших соотечественников, совещались и согласились в том, что Японии следует дать возможность окончить эту войну.

2. Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая, усиленные во много раз их войсками и воздушными флотами с Запада, изготовились для нанесения окончательных ударов по Японии. Эта военная мощь поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит свое сопротивление.

3. Результат бесплодного и бессмысленного сопротивления Германии мощи поднявшихся свободных народов мира с ужасной отчетливостью предстает как пример перед народом Японии. Могучие силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо более тех, которые, будучи применены к сопротивляющимся нацистам, естественно опустошили земли, разрушили промышленность и нарушили образ жизни всего германского народа. Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

4. Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристических советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или же пойдет по пути, указываемому разумом.

5. Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки.

6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира.

7. До тех пор, пока такой новый порядок не будет установлен, и до тех пор, пока не будет существовать убедительное доказательство, что способность Японии вести войну уничтожена, пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Японским вооруженным силам, после того как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Японское правительство должно будет устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам.

11. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит ей поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны. В этих целях будет разрешен доступ к сырьевым ресурсам в отличие от контроля над ними. В конечном счете Японии будет разрешено принять участие в мировых торговых отношениях.

12. Оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром».

Военные правители Японии отвергли эти условия, и военно-воздушные силы США в связи с этим стали готовиться к тому, чтобы сбросить одну атомную бомбу на Хиросиму и одну на Нагасаки.

Мы договорились предоставить жителям все возможности спастись. Эту процедуру мы разработали во всех деталях. Для того чтобы свести к минимуму жертвы, одиннадцать японских городов 27 июля были предупреждены листовками, что они подвергнутся усиленной бомбардировке с воздуха. На следующий день на шесть этих городов были совершены воздушные налеты. Еще 12 городов получили предупреждение 31 июля, и 4 из них подверглись бомбардировке 1 августа. Последнее предупреждение было сделано 5 августа. В общей сложности сверхмощные «летающие крепости» сбрасывали полтора миллиона листовок в день и три миллиона экземпляров ультиматума. Первая атомная бомба была сброшена 6 августа.

* * *

Финальные сцены войны против Японии разыгрались после того, как я уже ушел из правительства, и я сообщаю о них лишь кратко. 9 августа, после

первой бомбы, сброшенной на Хиросиму, была сброшена вторая бомба, на этот раз на город Нагасаки. На следующий день, несмотря на сопротивление некоторых крайне настроенных милитаристов, японское правительство согласилось принять ультиматум при условии, что это не нанесет ущерба прерогативам императора как верховного правителя. Союзные правительства, в том числе и правительство Франции, ответили, что император будет подчинен верховному главнокомандованию союзных держав, что он должен предоставить полномочия и обеспечить подписание документа о капитуляции и что вооруженные силы союзников будут находиться в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, сформулированные в Потсдаме. Эти условия были приняты 14 августа, и Эттли в полночь сообщил эту весть по радио.

Флот союзников вошел в Токийскую бухту, и утром 2 сентября на борту американского линкора «Миссури» был подписан официальный документ о капитуляции. Россия объявила войну 8 августа, лишь за неделю до капитуляции противника. Тем не менее она претендовала на полные права воюющей державы.

* * *

Мы не могли допустить никаких промедлений, осуществляя капитуляцию. Малайя, Гонконг и большая часть Голландской Индии все еще были в руках противника, и в других районах еще находились изолированные силы, которые могли послушаться приказа императора и продолжать сражаться. Таким образом, нужно было как можно скорее добиться оккупации этих обширных территорий. После бирманской кампании Маунтбэттен готовился освободить Малайю, и все было готово к высадке близ Порт-Суэттенхема. Высадка произошла 9 сентября. Другие порты были оккупированы в начале сентября без боя, а 12 сентября Маунтбэттен провел церемонию капитуляции в Сингапуре.

Английский офицер адмирал Харкурт прибыл в Гонконг 30 августа и принял официальную капитуляцию этого острова 16 сентября.

* * *

Было бы неправильно предполагать, что атомная бомба решила судьбу Японии. Поражение было предreshено еще до того, как упала первая бомба, и оно было обеспечено подавляющей морской мощью. Одна эта мощь дала возможность захватить океанские базы, с которых можно было повести окончательное наступление, и вынудить японскую армию, находившуюся на территории собственно Японии, капитулировать, даже не нанеся удара.